

УДК 778.5, 008.009:39

«А дамы измучены модами». Комментарий кинематографиста к политическому пейзажу «холодной войны»*СПУТНИЦКАЯ Н. Ю.***Аннотация**

Вступительная статья к публикации архивного материала — стенограммы выступления С. А. Герасимова в ВОКС в 1949 год с отчетом о поездке советской делегации в США на Конгресс деятелей науки и культуры в защиту мира в Нью-Йорке. Автор описывает социокультурный и политический контекст, в котором формировались художественные течения позднесталинского кинематографа, определяет роль и значимость не публиковавшегося ранее свидетельства в формировании целостной картины важного исторического периода.

Ключевые слова

Холодная война, Герасимов, Шостакович, Фадеев, культурные связи, сталинское кино.

“But all ladies are under a lot of pressure from fashion”. A comment by the filmmaker on the political landscape of the Cold war*SPUTNITSKAYA N. Y.***Abstract**

The introductory article is devoted to the transcript of Sergey Gerasimov's speech in VOCS in 1949 (archival material). The visit to the Scientific and Cultural Conference for World Peace in New York City is on the centre of attention. The author describes the socio-cultural and political context in which the artistic trends of soviet cinema were formed, determines the role and importance of Gerasimov's evidence in the forming the picture of an important historical epoch.

Key words

Cold war, Gerasimov, Shostakovich, Fadeev, cultural ties, Stalin's cinematography.

Визит советской делегации в США на Конгресс деятелей науки и культуры в защиту мира [1, с. 21] состоялся без малого 70 лет назад, 12 апреля 1949 года. Предлагаемый вниманию отчет С. А. Герасимова был оглашен спустя две недели по возвращении из командировки. Конгресс, который длился три дня, посетили 2823 делегата из 22 штатов, а также представители науки и культуры ряда стран, в том числе Польши, Чехословакии, Англии, Кубы. [2]. От СССР была делегирована группа во главе с писателем А. Фадеевым¹, в которую входили композитор Д. Шостакович², академик А. Опарин³, научный сотрудник Академии наук И. Рожанский⁴, писатель П. Павленко⁵, режиссер М. Чиаурели и, собственно, сам рассказчик. Конгресс был инициирован встречей на Всемирном конгрессе деятелей культуры в защиту мира в Ворцлаве (Польша) в августе 1948 года, на котором был создан Международный комитет связи деятелей культуры в защиту мира. Встреча в США,

¹ Фадеев Александр Александрович (1901–1956) — писатель и общественный деятель, журналист, военный корреспондент. Профессиональный революционер, в 1918 году вступил в РКП(б). Лауреат Сталинской премии первой степени (1946). Получил широкую известность и признания после романа «Разгром» (1926). С 1926–1932 гг. был одним из организаторов и идеологов Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), с 1936–1956 — на руководящих должностях Союза писателей (с 1946–1954 — генеральный секретарь и председатель правления). Автор романа о Краснодонской подпольной организации «Молодая гвардия» (1946), экранизированной С. Герасимовым в 1946 году и подвергнутой резкой критике. Вторая редакция романа «Молодая гвардия» увидела свет в 1951 году. Покончил жизнь самоубийством в 1956 году. Двоюродная сестра С. Герасимова Валерия Герасимова была первой женой Фадеева (развод оформлен в 1936 году). — Прим. авт.

² Шостакович Дмитрий Дмитриевич (1906–1975) — крупнейший композитор XX века, автор 15 симфоний и квартетов, шести концертов, трех опер и трех балетов, автор многочисленных произведений камерной музыки, музыки для кинофильмов и театральных постановок, пианист, музыкально-общественный деятель, доктор искусствоведения, педагог, профессор. — Прим. авт.

³ Опарин Александр Иванович (1904–1980) — биолог и биохимик, создатель теории возникновения жизни на Земле из абиотических компонентов. С 1942–1960 годах заведовал кафедрой биохимии растений МГУ, с 1951–1958 — 2-й председателем правления Всесоюзного просветительского общества «Знание». В 1970 году было организовано Международное научное общество по изучению возникновения жизни (International Society for the Study of the Origin of Life), первым президентом, а затем почетным президентом которого был избран Опарин. Исполком ISSOL в 1977 году учредил Золотую медаль имени А. И. Опарина, присуждаемую за важнейшие экспериментальные исследования в этой области. — Прим. авт.

⁴ Рожанский Иван Дмитриевич (1913–1994) — историк античной и эллинистической науки и философии, сын физика Д. А. Рожанского. Кандидат физико-математических наук, доктор философских наук. Участник ВОВ, обладатель медали «За боевые заслуги». В 1947 году окончил Военную академию Вооруженных сил СССР. — Прим. авт.

⁵ Павленко Петр Андреевич (1909–1951) — писатель, сценарист, журналист, специальный корреспондент. Лауреат четырех Сталинских премий первой степени. В 1920 году вступил в партию, служил комиссаром в РККА, на партийной работе в Азербайджане и Грузии, после работал в Турции в советском торгпредстве. Широкую известность обрел после романа «На Востоке» (1932). Специальный корреспондент газеты «Правда» во время ВОВ. Автор сценария фильма С. Эйзенштейна «Александр Невский» (1938) и автор сценария фильма «Клятва» (1948, реж. М. Чиаурели). — Прим. авт.

события которой излагает Герасимов, состоялась накануне знаменитого Всемирного конгресса сторонников мира — первого международного конгресса сторонников мира, проходившего в Париже и Праге под девизом: «Защита мира — дело всех народов мира» (его эмблема «Голубь мира», нарисованная Пабло Пикассо, для всего человечества стала символом борьбы за мир). 20–25 апреля 1949 года Россию представят Фадеев, И. Эренбург, К. Симонов, А. Маресьев, Л. Космодемьянская и другие. От США на конгрессе выступит только пять делегатов.

Герасимов к этому времени предъявил миру двухсерийную экранизацию романа Фадеева. «Молодую гвардию» — европейскую по языку, развивающую находки неореализма и предвосхитившую эстетику «оттепели». Фильм создавался в тесном содружестве с писателем и окончательный свой облик роман обрел уже после выхода фильма [4, с. 162–171].

Выступление Герасимова, сочетающее жанр путевых заметок с политической сатирой, до сих пор не было опубликовано. Герасимов предстает здесь как остроумный рассказчик, рисуемый ряд синематических сценок, одаренный дипломатическими качествами представитель интеллигенции. Предлагаемая вниманию читателя стенограмма может стать важным элементом в представлении картины культурных связей СССР и США в начале «холодной войны». Кроме того, интерес представляют оценки культуры и быта американцев, сравнение американского общества с европейским (реакция на «сартризм»). Обращает на себя внимание неудовлетворительная оценка Герасимовым послевоенного шведского кино — контекста, в котором рождались фильмы И. Бергмана (в частности, к этому времени уже вышел на экраны «Корабль в Индии», «Музыка в темноте», «Тюрма») и Х. Экмана (в частности, «Девушка и гиацинты»).

Символичен сам путь делегации: в США группа летит из Европы, обратно в Европу, возвращается через Исландию, охарактеризованную рассказчиком как база для летчиков-испытателей. Нельзя не обратить внимания на то, как кинематографична драматургия рассказа Герасимова и ценны наблюдения за культурными особенностями иностранцев, их традициями вести беседу и организовывать досуг. Забавные реплики, анекдотические встречи, архитектурные особенности городов США, отмеченные цепким взглядом кинематографиста, между делом, — делают текст живым свидетельством эпохи и вносят новые штрихи в сухие дискуссии о периоде начала «холодной войны».

Серьезное внимание, по сравнению с записками Шостаковича, особенно отметившего культурные события и встречи, у Герасимова отведено характеристикам делегатов, выступлениям и организационным особенностям мероприятия. С иронией описывает он быт и нравы, а включение закулисных историй превращают доклад в организованное по законам кино увлекательное действие с остросюжетными элементами. Здесь и крупные планы (Шостакович, Черчилль, Фадеев), и яркие характерные эпизодические персонажи, и остросюжетные элементы (арест Канадской делегации на банкете), характерные для шпионского фильма детали («забеги» полицейских), и дискуссии фильма политического. Следует обратить внимание, что в отличие от сохранившихся свидетельств [1; 2; 3] перед нами не заметки, не записки, а запись устного отчета, тяготеющего к фельетонному жанру. Потому на страницах и строках соседствуют Уинстон Черчилль и боксер Джо Луи, музыканты и журналисты, ученые и политики, афиши фильмов и витрины книжных лотков, циркулярные формулировки и живые эмоции. Однако цель и задачи этого текста вполне ясны: автор отвечает на вопрос, существует ли Железный занавес. Герасимов так и не опубликовал какой-либо подробный «отчет», из печати вышли лишь несколько скупых заметок. До сей поры наиболее подробной версией событий считалась, безусловно, устроившая власть, вписавшаяся в формат официального дискурса отчет П. Павленко [3].

Вниманию читателя предлагается купированная по требованию цензуры версия выступления С. А. Герасимова на заседании театральной и киносекций ВОКСа 12 апреля 1949 года, сохранившаяся в РГАЛИ (места купюр отмечены курсивом).

Литература

1. Сторонники мира // Журнал Московской Патриархии. 1949. № 6. Июнь. С. 21–29.
2. Шостакович Д. Д. Путевые заметки (поездка советской делегации на Всеамериканский конгресс деятелей науки и культуры в защиту мира, март 1949 года) // Д. Шостакович «Путевые заметки», «Советская музыка», 1949, N5. С. 15–22.
3. Павленко А. Американские впечатления Заметки делегата Всеамер. конгресса деятелей науки и культуры в защиту мира, М., Советский писатель. 1949. 112 с.
4. Kazuychits M. Sergei Gerasimov's The Young Guard: artistic method and the conflict of discourses of history and power // Studies in Russian and Soviet Cinema. 2019. Vol. 13. No. 2. P. 162–171.

Архивные источники

1. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 304. Переписка с Британским комитетом деятелей культуры в защиту мира о приглашении С. А. Герасимова на конгресс мира в Великобритании, проведении московского конгресса и митинге сторонников мира 7 мая в г. Лондоне. На русском и английском языках.
2. РГАЛИ. Ф. 3055. Оп. 1. Ед. Хр. 278. О поездке в США. Выступление на заседании театральной и киносекций ВОКСа. Стенограмма. Неполный текст.

References

1. Storonniki mira [Defenfers of peace] // Zhurnal Moskovskoj Patriarhii. 1949. № 6. Iyun'. S. 21–29.
2. SHostakovich D. D. Putevye zametki (poezdka sovetskoj delegacii na Vseamerikanskij kongress deyatelej nauki i kul'tury v zashchitu mira, mart 1949 goda) [Traveling notes (trip of the Soviet delegation to the All-American congress of scientists and culture in defense of peace, March, 1949)] // D. SHostakovich "Putevye zametki", "Sovetskaya muzyka", 1949, N5. S. 15–22.
3. Pavlenko A. Amerikanskie vpechatleniya Zametki delegata Vseamer. kongressa deyatelej nauki i kul'tury v zashchitu mira [American impressions of the Note of the delegate Vseamer. congress of scientists and culture in defense of peace]. M., Sovetskij pisatel'. 1949. 112 s.
4. Kazuychits M. Sergei Gerasimov's The Young Guard: artistic method and the conflict of discourses of history and power // Studies in Russian and Soviet Cinema. 2019. Vol. 13. No. 2. P. 162–171.

Archival sources

1. RGALI. F. 631. Op. 14. Ed. hr. 304. Perepiska s Britanskim komitetom deyatelej kul'tury v zashchitu mira o priglasenii S. A. Gerasimova na kongress mira v Velikobritanii, provedenii moskovskogo kongressa i mitinge storonnikov mira 7 maya v g. Londone. Na russkom i anglijskom yazykah. [Correspondence with the British committee of cultural figures in defense of peace about S. A. Gerasimov's invitation to the congress of the world in Great Britain, carrying out the Moscow congress and a meeting of defenders of peace on May 7 in London. In the Russian and English languages.].

2. RGALI. F. 3055. Op. 1. Ed. Hr. 278. O poezdke v SSHA. Vystuplenie na zasedanii teatral'noj i kinosekcij VOKSa. Stenogramma. Nepolnyj tekst. [About a trip to the USA. A performance at a meeting theatrical and VAUX'S film sections. Shorthand report. Incomplete text].

СТЕНОГРАММА

совместного заседания театральной и кино-секций ВОКСа⁶

12 апреля 1949 год
Народный артист СССР
лауреат Сталинской премии
С. А. Герасимов
(с указанием редакторских купюр)

*Подготовка текста, комментарии, публикация –
кандидат искусствоведения Н. Ю. Спутницкая.*

Наше пребывание в Соединенных Штатах было сравнительно кратковременно по причине, которая была освещена в нашей печати — чрезвычайного перепуга Государственного Департамента перед тем отзвуком, который имело наше пребывание в Соединенных Штатах. По-видимому, давая визы советской делегации, Государственный Департамент рассчитывал на совершенной иной прием, полагал, что прогрессивнее круги Америки так маломощны, так задавлены деятельностью реакционных групп, что наше появление в Америке будет иметь в высшей степени бедный и мало общественно значительный вид.

На самом деле получилось совсем наоборот. И в результате Государственный Департамент был так перепуган теми широкими откликами, которые имело наше пребывание в Нью-Йорке, что последовал демарш Государственного Департамента в виде письма, направленного каждому из нас в отдельности и в адрес нашего посла, где указывалось: сделали, мол, свое дело, отправляйтесь как можно скорее домой, дальше могут последовать с нашей стороны самые суровые меры пресечения. Как там было сказано: «Просим покинуть Америку в благоразумный срок». Послан был также документ Министерству юстиции и главному прокурору США, таким образом, «благоразумный срок» все сокращался и сокращался, а прокурор с грубоватой шерифовской прямоотой заявил по радию, что если эти смутьяны будут продолжать путешествие, то он просто прикажет нас хватать.

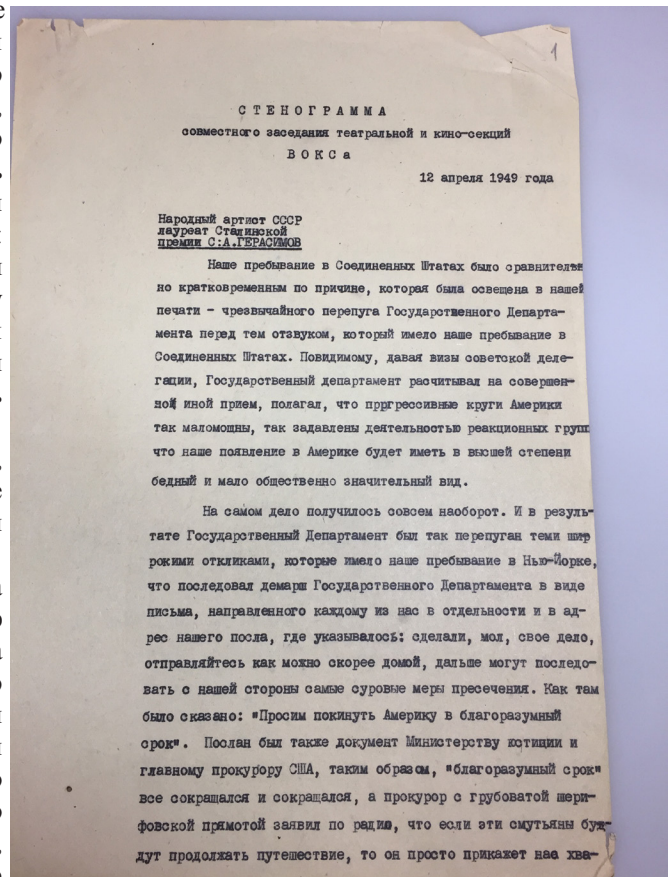
Это носило комический характер. Как бы они ни шумели, а авторитет Советского союза в Соединенных Штатах и уважение к советскому флагу так велики, что даже самые оголтелые наши враги не осмелились применить какие-либо меры.

Как сообщали наши газеты, в течение трех дней — 26, 27, 28 марта в Нью-Йорке происходил американский конгресс деятелей культуры в защиту мира. На этот конгресс была делегировано группа советских деятелей культуры во главе с тов. Фадеевым, в которую входили Шостакович, Опарин, Павленко, Рожанский, Чиаурели и я. Выехали мы 20 числа, 2 дня провели в Берлине в ожидании американского самолета и 26 числа перешли на американскую территорию уже в Берлине. Этот переход знаменовал собою немало, так как именно там в первую же минуту мы ощутили, как нас дальше будут встречать в Америке. Что же это такое было по своей интонации?

Прежде всего — совершенно болезненное любопытство, заглядывание в глаза с пристрастием. Во-вторых, невероятная сенсационность нашего появления на американской территории. Первое, с чем мы столкнулись, это огромное изобилие фоторепортеров. Еще на Темпельгофском аэродроме мы были ослеплены невероятным количеством лампочек обезьяньего вида молодых людей, которые шелкали нас во всех видах. Это продолжалось непрерывно и до своего апогея дошло в Нью-Йорке.

Нам задавали вопросы, в большинстве своем невероятно грубые, крайне беззастенчивые, всегда сенсационные,

⁶ Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) — советская общественная организация (1925 г.). — Прим. ред.

ФРАГМЕНТ СТЕНОГРАММЫ (МАШИНОПИСЬ)

с стремлением выудить что-то сногшибательное из наших ответов. Ничего интересного они из этих вопросов получить, конечно, не могли.

Сразу появились какие-то немецкие девицы, которых очень много в американском секторе и которые стремились найти пути к общению. Одна просила адрес «хорошего русского человека».

- Зачем Вам?
- Я хочу изучать русский язык!
- Здесь достаточно русских.
- Они считают, что я шпионка.

И так далее.

Путешествие было трудное. Двадцать пять часов над океаном — это не так просто, разумеется.

Остановки быт в Ирландии, Нью-Фаундленде. Через 1,5 суток мы опустились в Нью-Йорке.

Опять-таки, первое впечатление это — три яруса фоторепортеров, даже четыре. Какой-то шустрый мужчина, забежал в самолет, быстро посчитал людей, распределил свои силы снаружи. Очевидно, существует контакт между авиационной линией, которая приводит сенсационные фигуры, и фоторепортерским корпусом. Выпустили постороннюю публику из самолета и потом предложили выходить нам.

Это был ураган снимков. Кто был в Америке, тот знает, что это их система жизни. Но эта была усиленная порция.

Они требовали, чтобы мы махали шляпами, приветствовали их, мы этого не сделали. И правильно, так как все фотографии, которые были сняты, появились на другой день в газетах с такими подписями, что то, что мы шли совершенно спокойно, лишило их возможности написать еще больше.

Когда мы выходили из самолета, Шостакович поскользнулся на трапе. Я поддержал его сзади. Это запечатлели все аппараты. На другой день во всех газетах была дана эта фотография с надписью: «Шостакович выходит на американскую землю. Его крепко держит за руку специально приставленный к нему неизвестный».

От каждого самолета идет специальный ход внутрь аэродрома, окруженный решеткой. То сделано для удобства таможни. Пока мы шли за решеткой, со всех сторон нас щелкали фоторепортеры. Самый замухрышистый репортер в измятой шляпчонке со старинной какой-то машиной все норовил снять Шостаковича поближе, а мы шли очень быстро. Он совершенно отчаялся сделать снимок, запутался в своих проводах и побежал за нами с криком: «Шостакович! Шостакович!», но снял уже не его, а машину, так как Шостакович захлопнул дверцу. Этот бедняга схватился за голову.

<Фрагмент текста удален — Н.С.>

Следующий день начался работой секции. Это была основная работа. Здесь произошли все выступления.

Наши речи были переведены на английский язык. Мою речь читал очень хороший актер, человек способный, который быстро понял интонацию, содержание, замысел. Речь прерывалась многократными аплодисментами.

Очень большое впечатление на американцев произвело знание нами американской культуры. Вышло, что представители других стран, в частности русские, знают об их культуре больше, чем они догадывались.

Очень интересно выступал Гейф — радиокомментатор, известный в Америке, который прямо заявил, что радио давно не говорит — <ПЕРЕНОС>

<Фрагмент текста (полстраницы) обрезан — Н.С.>

Познакомились мы и с газетами, поняли толк в американской печати. Благословляли себя за то, что не позволили снимать себя более обширно, иначе они могли бы расписать, бог знает что. Мы узнали из газет, что нам готовится обструкция, что собираются католики и прочие прилегающие к ним устроить нам соответствующий кошачий концерт. Сведущие люди перевели это на цифры: тысяч 30 они соберут.

Но они ошиблись. Когда мы отправились на пресс-конференцию, у Вальдорф Астории⁷ суежилась группа человек в 15. В печати было сообщение, что им заплатили по 12 долларов за эту демонстрацию народного гнева. Люди это были все бедные. Некоторые надели маскарадные костюмы, очевидно изображая какие-то нации, которые протестуют. Несколько человек стояли на коленях, молились, кланялись автомобилям. Происходило какое-то странное радение.

<Фрагмент текста обрезан — Н.С.>

Наконец, начался собственно конгресс. Открылся он пленарным совещанием в Корнеги-холле. Сначала был исполнен американский гимн, потом под прожекторами на сцену вышли делегации. Мы с выходом не торопились, вышли поближе к концу. По своему эффекту появление советской делегации было совершенно невообразимо. Пять тысяч человек, собравшихся в зале, устроили овацию сначала сидя, потом стоя. Людей начали уже усаживать, потому что это грозило скандалом, так как в зале было достаточно много полицейских и шпиков.

На этом пленарном заседании из наших делегатов никто не выступал. Выступал Мултон с очень интересной речью. В целом тон определился очень настойчивого и горячего стремления всех наций объединиться в борьбе за мир и очень горячего стремления представителей американского народа объявить борьбу за мир у себя в Америке.

<Фрагмент текста обрезан — Н.С.>

<...>...стар. Концерт произвел на нас невыгодное впечатление. Вещи были сыграны в точном американском темпе, но формально, сухо. Публика совершенно не слушает, занимаются разглядыванием мод. Хлопают музыке наиболее замысловатой, наиболее трудно-воспринимаемой. Американская музыка представляет собой что-то очень тяжелое, мучительное. На этот раз это было что-то, составленное из ударных инструментов, развивающее тему из двух нот. Длилось это долго, минут 35. Оркестр великолепный, но мертвенного звука.

<Небольшой фрагмент текста обрезан — Н.С.>

Стоять по американским законам нельзя, поэтому они все время ходят. Это утомительно. Все ушли обедать, остался только один — ему отдали все плакаты, и он их носил. Вся 100-тысячная демонстрация была отражена каким-то забуддыгой.

Зато была очень большая толпа, которая нас приветствовала. Люди, которые кричали дружеские слова, сплошь и рядом по-

⁷ Уолдорф-Астория (англ. Waldorf Astoria) — фешенебельная многоэтажная гостиница на Манхэттене в Нью-Йорке. — Прим. авт.

русски, показывали пальцами на гулящую компанию и кричали: «Не обращайтесь!»

<Фрагмент текста обрезан — Н.С.>

Вечером был проведен банкет в Валдорф Астории. Это большая гостиница, о ней достаточно рассказано в американских рекламках и литературе. Это — 40 или 50-этажное здание довольно старомодное, аляповатое внутри, похожее на купеческие бани, там много холлов с переходами. Тут мы легко обнаружили американскую растерянность в смысле организации. Привести людей правильную в комнату было делом огромной трудности. Люди расселись в разных холлах и трудно было их соединить. Бизнес они делают очень умело и ловко, а общественное дело организовали так, как в старинных интеллигентных семьях организовывали шарады.

Банкет одновременно является как бы зрелищем. Президиум составленный из членов делегации был приподнят на просцениуме, разрешен за столом, где должен был происходить обед. Поедание супа должно было стать предметом интереса зрителей, которым были проданы на это зрелище билеты. За столиками сидели обыкновенные люди, которые купили билеты по 4 доллара.

Для того, чтобы рассадить людей соответственно рангу была проведена репетиция, как и всякого зрелища. Нас отвели в другой зал, где расставили стулья и долго разбирались. Потом заставили встать и гуськом пойти. Это имело вид выхода из сиротского дома. По этой репетиции нас посадили в самом центре, и опять выход советской делегации сопровождался самой невообразимой овацией.

Каждый раз это нарастало. В сознании американцев произошло что-то, чего мы не могли учесть. Может быть, они ждали, что мы приедем с ножами, окровавленные, а не обыкновенные люди, как они: в пиджаках, говорящие на мирном языке, — так они напуганы, дезориентированы, оболганы американской прессой.

Речей еще никаких произнесено не было. На банкете выступали представители некоторых стран с краткими спичами, в том числе и от нас — Шостакович, имевший необыкновенный успех. Понятен тот интерес, который проявляют к нему американцы, они всегда носились в его музыкой, а кроме того в Америке неоднократно говорили, что кости Шостаковича догнивают в Сибири. Появление живого Шостаковича производило двойное впечатление.

Из знакомых нам людей выступал с очень хорошей речью Холл⁸, который показал себя в течение конгресса стойким, деловитым и знающим свои цели человеком.

На конгресс прибыл Уоллес⁹. Он не был в президиуме, вошел прямо в зал и поместился где-то среди толпы за столиком, увидев каких-то своих личных друзей. Его встретили овацией. Это была овация совершенно политического порядка.

Она длилась довольно долго, но была несколько сдержана председателем, потому что в интересы конгресса не входило обострять политическую окраску. Он не выступал.

Был спет гимн, молитва, и затем приступили к пище. Пища была просто плохая, хотя во всех газетах каждый день сообщалось чем нас будут каждый день кормить и сколько это будет стоить. Из событий этого банкета следует отметить арест Канадской делегации. Они не успели войти в президиум, потому что опоздали, присоединились к толпе. Это был старичок, с которым мы не успели познакомиться, старушка и молодой человек. Их отозвали в вестибюль и отправили. Больше мы их не видели.

На другой день в газете были их фото

<запись обрывается — Н.С.>

ни одного слова правды, что американское радио есть рупор лжи, вследствие чего он свой рот закрыл навсегда. пока общие обстоятельства не изменятся, ибо всю жизнь лгать, зарабатывая хлеб для своей семьи. «Даже такой крупный мужчина, как я, — сказал он, — не может».

Пэн сказал: «Я приехал из Вашингтона сюда, чтобы сказать, что американское правительство все-таки желает войны. Затем он заявил, что если человек, желающий мира, является коммунистом, то он является коммунистом, что было встречено громом аплодисментов.

Очень многие ругали свои правительства за то, что они не дали виз целому ряду представителей, в частности, французам, итальянцам и англичанам. Приехал один только человек вместо семи, профессор, который выступал с несколько объективистских британских позиций, но с очень большой резкостью против американского правительства, с традиционным английским юмором, но имел большой успех, так как непрестанно высмеивал американцев.

Было сказано, что американцы за войну, за бомбардировку русских городов, ибо, как сказал он, человек, продающий зонтики, ждет дождь, так американские газеты ждут войны, чтобы было на чем зарабатывать. Это гнусно.

Было сказано, что была одна газета, которой можно было довериться, это «П. М.», но и ту закрыли. Корреспондент знает, что если он не выдумает чего-либо про Россию, то он обречен на непечатание. Не надо ничего видеть, надо просто уметь

С.А. Герасимов, автошарж, 1949 г.

⁸ Холл Гас (Gus Hal, 1910–2000) — американский политик финского происхождения, публицист, руководитель Коммунистической партии США (с 1959 года), убежденный сторонник политики СССР. Четырежды выдвигался на пост президента США. Накануне Конгресса, 22 июля 1948 года Холл был обвинен в заговоре против правительства США. — Прим. авт.

⁹ Уоллес Генри Эгард (Henry Agard Wallace, 1888–1965) — политический деятель США, оппонент Трумена. В 1933–1940 годах был министром сельского хозяйства, в 1941–1945 годах вице-президент США в правительстве Ф. Рузвельта. В 1945–1946 годах — министр торговли (снят с поста президентом Труменом из-за разногласий в вопросах политики в отношении СССР). На выборах 1948 года выдвинул свою кандидатуру на пост президента, но потерпев поражение на выборах, отошел от политической деятельности. — Прим. авт.

врать, в этом наша задача.

В этом смысле выступал и Лоусон, крупный журналист.

Выступления Чиатурели и мое имели большой успех, может быть, не за счет красоты слога, а за счет того, что мысли, изложенные в этих речах, имели самый непосредственный доступ к сердцам американцев, собравшихся здесь.

Успех работы секции был так велик, что вся улица была запружена желающими пробраться на конгресс.

Люди совершенно разные: хрупкие дамочки со шляпками, сбитыми набекрень, расталкивали толстых полисменов. Зал был переполнен.

В Литературной секции очень интересно выступал Павленко. Задавались вопросы. В порядке курьеза вспомню вопрос, заданный Павленко: правда ли, что в Советском Союзе закон не ограждает сектантов, которые не имеют права по своему вероучению воевать. Павленко весьма находчиво ответил, что не знает, так как он всю жизнь воевал за Родину, этим законом не пользовался и не интересовался, существует ли он. Было много кстати вопросов, с их точки зрения казуистических, а с нашей точки зрения глупых.

Выступление Шостаковича имело чрезвычайный успех.

Вечером была научная секция, которая имела чрезвычайное значение. Выступал Опарин и крупный ученый Розбери, атомщик. Выступление его было в высшей степени скользкое и дурно подготовленное. Начал он за здоровье и кончил за упокой. Говорил сначала очень возмущенно о том, как реакция использовала великое открытие атомной энергии. А когда дело дошло до конкретного вопроса, почему же ученые не восстанут против этого изуверского изобретения, (очень злобные, ожесточенные вопросы задавались собравшейся американской публикой), то он сказал: “А что же могут сделать ученые? Это малое число народа, нужно, чтобы народ проявил себя? Ему крикнули: “А вы не народ, что ли? Тогда он задумался и сказал: “Не знаю”». Потом он просил слова для реплики и сказал, что после размышления, он пришел к выводу, что ученым пора бы заняться политикой, тогда дело пойдет лучше.

Выступал крупный биолог, который нажимал на то, что Атомная война еще не все, потому что есть еще биологическая война, которая может привести бог знает к чему и не следует развязывать атомную войну, потому что, мол, вы не знаете, что из этого может получиться, а я то знаю. Лучше не надо!

Наконец, выступил Уоллес на этой секции как представитель ученого мира с очень живой и резкой речью, просоветской не в смысле политическом, а научном. Он потрясал книгой Опарина, который присутствовал здесь, и призывал всех здравомыслящих американцев прочесть эту книгу. Она объяснит очень многое в отношении мира и их самих тоже. Предлагал вызвать на соцсоревнование Лысенко.

Он сказал: вызываю какую-нибудь союзную республику, скажем, Узбекистан, на соцсоревнование по пшенице, может быть, я перещегооляю. Он перенес все в область научного спора, но подчеркивал, что достижения Советского Союза огромны, и он берется спорить потому, что отдает дань этим великим достижениям.

Опарин выступил очень умно и имел чрезвычайный успех. Ему пришлось дважды возвращаться, раскланиваться, его не хотели отпускать.

Этим закончилась работа секции. Затем был прощальный для конгресса митинг в Медисонквер-гардене. Столь огромное помещение, представляющее собой крытый стадион на 20.000 человек. Он был полон. Там было, вероятно, 30.000. Мы были введены в комнату знаменитого боксера Джо Луиса. Американцы очень гордятся этой комнатой. Они ввели нас в это святилище, где американский «бог» провел немало дней. Комната выкрашена в серый цвет и похожа на мясную лавку.

Был поставлен густой кордон из полицейских, который охранял нас от толпы, то ли чтобы оградить нас от обструкций, то ли чтобы мы не могли общаться ни с кем. После обычной американской суতোлки вокруг каждого общественного мероприятия, которая там происходит с опозданием на час, начался митинг. На лобном месте, где происходит бокс, были поставлены кресла. До того, как мы вышли, была разыграна интермедия: два молодых человека ‘изображавшие собой работников радио.

Они запрашивали страны, которые отсутствовали, — Францию, Италию и т.д., и что они скажут по поводу происходящего здесь. Оттуда неслись призывы к миру.

Эта инсценировка очень понравилась.

Затем произошел выход делегатов наверх, на ринг. Выход Фадеева вызвал безудержную овацию. Забегали полицейские, начали кого-то куда-то тащить.

Когда вышла советская делегация в полном составе наверх, зал поднялся пропел «Нас утро встречает прохладой», довольно стройно. Когда такая большая толпа в 20.000 человек поет, это производит большое впечатление.

Начались выступления. Их было 5. Выступал негр, британец, чех — очень хорошо. Фадеев с речью, которая опубликована. Речь прерывалась бесконечным количеством аплодисментов, особенно в том месте, когда Фадеев обращался к американцам. По поводу Черчилля раздавался вой, шипение. Свистки у них выражают восторг, а они шипели и жужжали.

Одновременно в Нью-Йорке был Черчилль. Мы видели его после обструкции, которую ему устроили на пароходе, и кто-то угодил в него яйцом.

В перерыве, который был устроен, в раздевальню Джо Луиса стали рваться толпы людей. Прорвалась одна девушка, требовала Шостаковича. Она прошла пять кордонов, так как комната была наполнена корреспондентами и допущенными лицами. Мы были совершенно отжаты к стене. Она перелезла через лежак, схватила Шостаковича за руку:

— О, как я рада, что увидела Вас! (Она говорит по-русски с английским акцентом). У меня есть кузен, который чрезвычайно похож на Вас, но он совершенно не способен к музыке, он все время занимается только деланием денег.

— Действительно... Вот, подумайте... — сказал Шостакович.

Мы думали, что тут-то разговор и развернется. Но...

— Благодарю Вас! — сказала американка и полезла обратно.

После перерыва была произнесена речь Фадеева. Вся программу конгресса располагали, исходя из авторитета советской делегации. На десерт всегда была советская делегация. Это БЫЛ гвоздь.

Отклики на речь Фадеева были огромны. Было стремление прорваться к нам, пожать ему руку. В результате, многих людей похватили.

В конце митинга Шостакович на крайне расстроенном фортепиано сыграл 2-ю часть 5-й симфонии. Она прозвучала очень хорошо и точно.

Тут уж творилось, бог знает что! После этого мы ушли, а зал оставался полон. Пришлось выжимать на улицу людей, требовавших, чтобы «Шости» (Шостаковича там называли Шости) сыграл еще раз.

На другой день мы прочитали в газетах отчет о митинге в Медиссонсквер-гардене. Отчет в первый раз был совершенно объективен даже в газете «Нью-Йорк Таймс», газете реакционной. Отчет был очень вежливый, даже с речью Фадеева. Тогда мы решили, что сейчас вмешаются власти. Ровно через час нам позвонили из Государственного Департамента, о чем я уже рассказывал. Мы сочли за благо, прежде всего, проследовать под сень советского флага, поехали в Вашингтон. В машине, когда мы ехали в посольство, шофер включил радио, и мы услышали речь прокурора, который сообщал, что если мы будем отклоняться в сторону от корабля или аэродрома Лагердиа, то нам будет сделан «пик ап». Тем не менее, мы удалились. Ждали сначала парохода, и потом решили отправиться самолетом.

Вашингтон в высшей степени не похож на Нью-Йорк. Сходство только то, что театра там тоже нет. Наши попытки увидеть театр не увенчались успехом. Нам предлагали посмотреть «шоу», но это означает — холодный нарез из голых девиц.

Посмотрели английского «Гамлета», который там шумит, и убедились в том, что это картина невыразимо скучная и дурная, потерявшая все традиции, разыгранная в наивно рейнгартовском стиле. Этим культурные развлечения в Вашингтоне были исчерпаны.

Сам город является в Америке первым по памятникам и по распространению бандитизма. Чикаго в этом отношении уже отошел на второй план. Нам говорили: деньги старайтесь в карманах не носить, а то отнимут. «КТО? Полиция?» — «Нет, бандиты».

— «Мы вообще не ходим по улицам». — «Ну, и самое лучшее».

Несмотря на март, жара была — 40°.

3 апреля был намечен отлет.

Что представляется, прежде всего, если закрыть глаза?

Порнографическая реклама — это первое. Мчащиеся автомобили и непристойная реклама всех цветов. Витрины оформленные в том же стиле. В витринах царят голые женщины, изображенные с мучительным натурализмом. Мужчины не фигурируют, потому что измученные поиском долларов, они не интересны.

А дамы измучены модами. Худоба такая, что выступает хребет, как у бронтозавра.

Люди поразили нас своей некрасотой. Нам казалось, что они должны выглядеть хорошо, так как унифицировали свое питание, по крайней мере, в обеспеченных кругах. Но как раз этот контингент поражает своим уродством. Это крайне измученные, не понимаю, чем истерзанные люди.

Почти не видно на улицах женской молодежи. Оказывается, ее много, но они так кромешно раскрашены, что не видно лиц, все кажутся старухами, большое обилие пошлых лиц.

Литература на 80% порнографическая. Мы обошли книжные лотки, нашли 25-центовые издания, которые в основном и находятся в продаже. Здесь вы найдете все, что угодно в области порнографии. «Научная» серия, которая навивается «Техника брака». А вот «Анна Каренина». Здесь сказано: «Эта книга сокращена, чтобы не утомлять читателя слишком длинным романом». Вот знаменитая книга «Профессиональный любовник», которой зачитывается молодежь...

С этим впечатлением нам и пришлось покинуть Америку, потому что она не могла показать нам ничего более понятного, близкого, более нами ожидаемого, желаемого, потому что народ большой, не хочется думать, что он огулен.

Мы видели прогрессивных деятелей — Говарда Фаста, Хелдона, того же епископа. Я не заглядывал к нему в душу, но то, что он говорил, показывает, что эти люди представляют обширный круг мыслящих, желающих настоящего общения со всемирной культурой, с культурой советских людей.

Но если взглянуть на это дело общим планом, как нам и показала Америка, то приходится, к сожалению, констатировать, что американская культура находится в чрезвычайно жалком, угрожающем и устрашающем состоянии. Сначала мы пожимали плечами, удивлялись, раздражались, потом привыкли, перестали обращать внимание. Открывалось тоже самое, но вглубь.

Сели в самолет и отправились в обратный путь. Провожали нас представители конгресса очень тепло. Сенсационный интерес немножко поутих, но и здесь продолжали щелкать. Ко мне подошел очень расторопный человек:

- Как я рад, господин Герасимов, что могу задать Вам вопрос:
- Как вам понравилась Вельдорф-Астория?
- Очень большая гостиница, — сказал я.

Фаст Холл, 1940-е гг.

Он записал и удовлетворенный ушел.

Исландия страна очень маленькая и странная, но за сутки, проведенные там, мы убедились, что культура там выше, чем в Нью-Йорке. Там есть свой театр, который мы, к сожалению, не успели посмотреть. Задержались мы не по плану, а вследствие того, что над океаном один из моторов перестал работать. Команда посуетилась и вернулась обратно. Из-за тумана с трудом разыскали Исландию и провели там сутки.

Страна очень странная, вся залитая пемзой вулканов. Ни деревьев, ни травы там поэтому нет. Она представляет собой в основном американскую летную базу. Мы видели много американских летчиков.

Затем мы проследовали в Европу, с чувством живейшего облегчения и радости оказались даже на европейском берегу. Приятно было знать, что ты стоишь ногами на своем континенте.

В Стокгольме мы видели две картины, которые нас привели в ужас. Шведы гордятся ими. Картины сюрреалистические, крайне туманные, неясные, уродливые. Водил нас в кинотеатр местный крупный критик, отлично говорящий по-русски. Он очень желал узнать у меня мнение тут же. Весь пылая, он обернулся к нам:

- Ну, как?
- Плоховато.
- Я так и знал, что вы это скажете.
- Почему?
- Это не то искусство, к которому вы привыкли.
- Нет, но непонятно, зачем это поставлено, где цель.
- Ну, чего захотели! Цель! Вся страна живет без цели.

Это действительно похоже на правду. Неоновая реклама. Все пропитано сексуальностью. В каждой картине обязательно садисты. Растленные молодые люди жгут спичками руки молодым женщинам, зачем-то убивают детей, топят их в ваннах. Страшная вещь. Шведы считают эту картину наиболее ярким выражением модной философии Сартра. Говорят с чувством уважения: «сартрист, сартрист!», но и с обывательским перепугом, который мы помним у нашей буржуазной интеллигенции по отношению к русскому декадансу, раннему футуризму.

Обязательные действующие лица в картинах это проститутки и садисты. Это — история молодой проституированной девицы. Идея картины такова, что жизнь ее бессмысленна, мир пуст. Она идет среди людей, которые становятся лесом. Проходит мимо окон магазинов, где женщины вяжут чулки. Кукла — уже щука и щуку ломают пополам¹⁰.

Народ сидит и безмолвствует.

Актеры прекрасные, играют прекрасно там, где можно что-то играть.

Мы разговаривали с ними. Я спросил, почему они так редко играют. Молодой парень сказал мне: вот все, что мы играем.

Началась съемка. Он выхватил из-за двери девицу и начал ловко ее душить. Потом стал целовать.

— Ну, как? — спросил он.

Каков же баланс всего происшедшего в Америке? Судя по прессе, которую мы там читали в период нашего пребывания, судя по той шумихе, которую подняли газеты вокруг нашего пребывания в Америке, судя по тому великому гневу, который вызвала позиция Государственного Департамента даже в самых реакционных газетах, этот демарш рассматривался, как грубый, а в прогрессивных газетах писали: вот когда с точностью можно определить, кто же опускает железный занавес — Советский Союз или Америка. На этот раз можно сказать — Америка!

¹⁰ С. А. Герасимов описывает содержание фильма «Тюрьма» (Fängelse, 1949), реж. И. Бергман. — Прим. авт.